

Солнечный А. Человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи

Рос. газета. — 2001. — 27 апр. — с. 6
Слово при вручении литературной премии Константину Воробьеву и Евгению Носову 25 апреля 2001 г.

ЧЕРЕЗ жизни и литературные труды Константина Воробьева и Евгения Носова, уроженцев Курской земли и неведая друг от друга, — Великая война пролегла несмываемыми, многопоследственными полосами.

У Носова в "Усыятских шлемоносцах" — эпическое озарение: первый зов и сплошной уход крестьянского народа на войну — с той покорностью и мужеством, с каким он уходил и уходил век за веком на столько войны и войны. Ощущения эта неоспорная поступь и ее былинный смысл. Это впечатление усиливается тем, что хотя в повести формально и даны черты колхозной жизни, но в какой-то расплывчатости, а проступает вечность мужика на земле, в своем родном краю и грозность предвоенного расставания с семьями, с детьми: сколько ли вернутся?

Тема переходит к Константину Воробьеву — ноябрьскими боями 41-го года под самой Москвой, которых он был участник, высокий момент грозности для всей страны, когда маячило едва ль не обрушение ее. Только чтобы написать о тех днях — автору предстояла многолетняя выдержка: там-то, под Москвой, он попал в немецкий плен.

Это новое разящее, уму не представляемое бытие, по сути грозившее в тот год любому воюющему, бытие, смертную жестокость которого нельзя было и близко вообразить тогдашней советской молодежи, воспитанной в победных обещаниях, — врезалось в грудь молоденького лейтенанта по сути как тема всей его жизни. Захватило не только обреченное тело пленника-новичка, но в первые же недели и мысль его: этого никто у нас не представляет! Об этом — непременно рассказать, если только выживу. Лагерь подо Ржевом: среди снежного поля он — темное прямоугольное пятно, оттого темное, что губами ползающих военнопленных "сведен с крошками земли холодный пух декабрьского снега" — чтоб утолить жажду: ведь им не привозят воды.

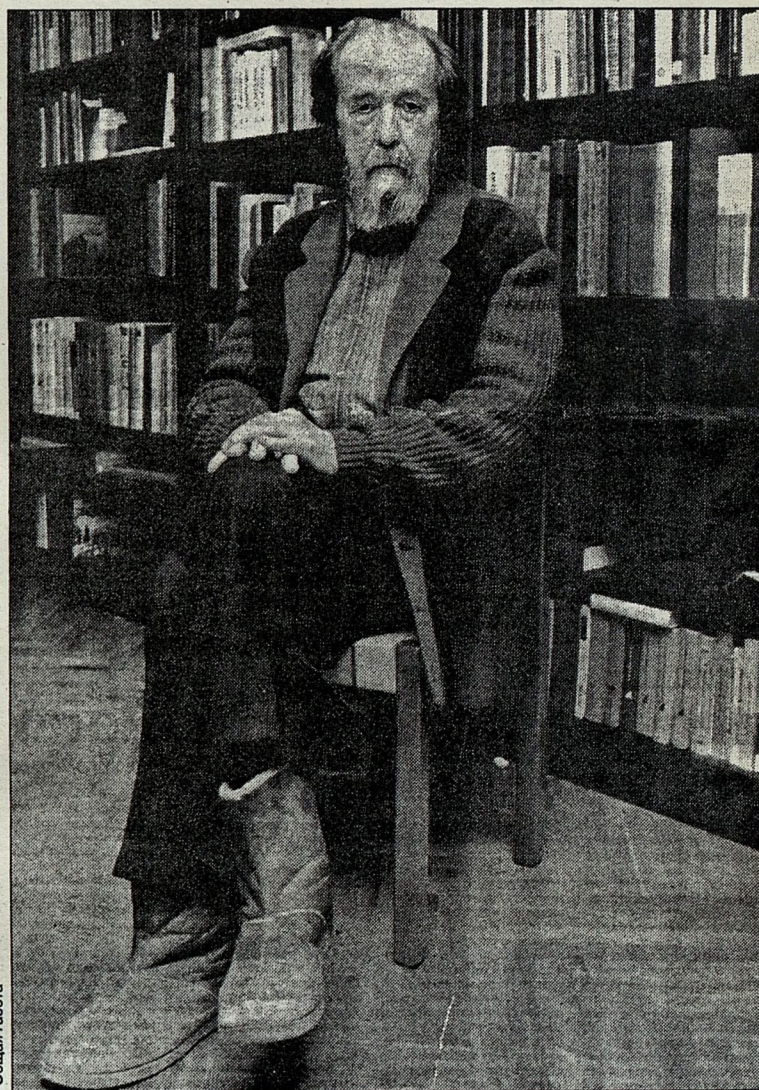
Дальше пленная судьба Воробьева, прошедшего и другие лагеря, развивалась драматически: когда их повезли в Литву — на ходу поезда он вылез из окошка товарного вагона, повис на привязанной портянке — и спрыгнул. Товарищ ушибся насмерть, а Воробьев повредил ногу. Схоронив товарища, он несколько дней бродил по литовским лесам, но потерянная подвижность обрекла его на новый, повторный плен. Теперь он знает и страшные торьмы в Паневе-

Но она была, конечно, отстранена: власть победителей не хотела знать, кому и во сколько досталась Победа. Повесть отбросили — и этим "ударом в спину ножом", как назвал Воробьев, он был ранен надолго, надолго — больше он не пытался печатать ее до конца жизни — по полной безнадежности. Лишь два коротких его рассказа, связанные с пленом, много позже увидели свет — "Немец в валенках" и новеллистически отточенная "Уха без соли", — оба просвеченные человечностью. Да тема-то оставалась неисчерпаемой: а кто когда расскажет о жестокой борьбе между пленными за выживание на краю гибели, и сколько зла и низости обнажалось при этом? Или об изможденных процессиях под конвоем — как пленных гонят за повозкой с трупами закапывать своих умерших? — "Это мы, Господи!" напечатали — лишь через 40 лет, уже в "перестройку".

А человеку, жаждущему правды, невозможно брести в реке лжи. Воробьев читал и читал, что полилось в печати о фронте, о войне, — и приходил в ярость от перекажения, от облыгания. Даже честные публикации были искажены утайками и полуправдой. И при начале общественного оживления, в 60-х, Воробьев написал две прямодушные повести о подмосковных боях — "Крик" и "Убиты под Москвой". В них мы найдем, при всем скоплении случайностей и неразберихи любого боя, и нашу полную растерянность 41-го года; и эту немецкую легкость, как, при лихих закатанных по локоть рукавах, секли превосходными автоматами от живота по красноармейцам; и тупость неподготовленных командиров; и малодушие тех политруков, кто спешил свинтить шпалы с петлиц и порвать свой документ; и засады за нашей спиной откормленных загранотрядчиков — уже тогда, бить по своим отступающим; и еще, еще не все поместилось тут — и об этом тоже целые поколения не узнают правды?? — Повесть "Убиты под Москвой" безуспешно прошла несколько журналов и была напечатана в начале 63-го в "Новом мире" личным решением Твардовского. И концентрация такой уже 20 лет скрываемой правды вызвала бешеную атаку советской казенной крити-

ки — как у нас умели, на уничтожение. Имя Воробьева было затоптано — еще вперед на 12 лет, уже до его смерти. Он жил эти годы со "вторым ножом в спине", в состоянии безысходности.

Да судьба одного ли Воробьева? Сколько талантливых и неведомых нам

ее множественным силам и тайнам, доступным только внимательному глазу, уху, обонянию, осязанию.

В рассказах Носова крестьянская жизнь — до того натуральная, будто не прошла через писательское перо. Крестьянское осмысленное понимание каждого бытийного хода, и поэзия ремесла, неизмышленная простая народность, самый тип народного восприятия. И десяти-

чувственный к слабым, — из лучших крестьянских образов в нашей литературе.

Когда-то пойманный им конокрад и отпущенный — теперь, в буденовке, с милицией, приходит выгребать все его имущество, нажитое собственными неутомимыми руками. Момич, однако, с этапа уходит, обзаводится ружьем и скрывается в лесу, в землянке — непобедимый тип. А в войну — он и в партизанах.